

Темно-розовое

— Умирать в двадцать лет вовсе не романтично, — сказал он мне; его непроницаемые черные глаза мерцали в полумраке. Он покачал головой. — Слишком расточительно.

Помню, что в тот момент мы сидели в моей гостиной и я ничего не ответила, но потом долго размышляла, и слово «расточительно» плавало у меня перед глазами, как нефтяное пятно. Я понимала, что он прав. Это слишком расточительно. Но когда я сказала, что умру, не дожив до тридцати, то подразумевала вовсе не романтические истории о молодых художницах, погибших во цвете лет. Я, в общем-то, знала. Знала, когда придет мое время.

Я умираю накануне того дня, когда родилась, в двадцать девять лет, почти в тридцать. Мне всегда нравилось число двадцать девять: два и девять, гораздо больше, чем тридцать, три и ноль. Двойка красная, девятка темно-розовая; тройка тревожно-зеленая, а ноль — белая пустота. Но, что бы вы там себе ни думали, я умираю не по своей воле. Во все нет.

А может, и по своей. Ведь мы бесконечно совершаем выбор, не так ли?

Я пожимаю плечами. Меня трясет. Здесь, на мокрой корме, на рубеже двух десятилетий, холодно. Подо мной — серая мгла, посреди которой

покачиваются айсберги. Я смотрю на Брук, она подмигивает мне, я улыбаюсь, и лицу становится больно.

Задерживаю дыхание. Ведь мы сами принимаем решение сделать вдох?

Не знаю. До сих пор не знаю. Жаль, что вы не подсказали мне ответ. Жаль, что вы многого не успели рассказать.

Например, что, когда я наконец увижу зеленый луч¹, он будет потрясающим, но в то же время тусклым.

Или что жизнь — это вереница слов, в которой неверно расставлены все знаки препинания, и когда тебе хочется сделать вдох, кто-то убирает запятую, так что приходится брать дыхание прямо на ходу, а если не успеешь, то умрешь.

Жаль, Мэгги, что вы мне этого не рассказали. Что в море никто не услышит, как ты кричишь.

¹ Оптическое явление, представляющее собой зеленую вспышку на горизонте (обычно над морем) в момент захода солнца. — *Здесь и далее примеч. пер.*

МОРСКОЙ САД²

² Названия первой части книги и ее отдельных глав отсылают к творчеству американской поэтессы-имажистки Хильды Дулитл (1886–1961), писавшей под псевдонимом Х. Д., в частности к ее поэтическому сборнику «Морской сад» (1916), в который вошли такие стихотворения, как «Морская роза», «Морская лилия», «Морской ирис» и др.

Морская роза

В полузабытьи мне чудится, что земля ходит ходуном. Туда-сюда, туда-сюда.

Но вот я наконец прихожу в себя. У меня на подбородке засохла слюна, а в зубах застряли ворсинки, я размыкаю опухшие веки и вижу солнце в потолочном окне прямо над головой. Солнце в небе покачивается взад-вперед, и я понимаю, что земля действительно ходит ходуном. Я приподнимаюсь на локте. В висках стучит, будто меня огрели кирпичом. Я озираюсь по сторонам и, пока взгляд фокусируется, жду, когда происходящее обретет смысл. Но смысл ускользает. Стены почему-то изогнуты, само помещение не шире кровати — если это вообще можно назвать кроватью. Я лежу на тонком, как вафля, матрасе, втиснутом между огромным холщовым мешком и удочкой. Снаружи доносится странный перестук, и, когда я поднимаю взгляд, солнце все еще покачивается. Я чувствую, как теснит в груди; дыхание мечется за ребрами, как в западне, и не может вырваться. Где я, черт побери?!

По крайней мере, я одета: на мне шелковое платье, джинсовая куртка, два розовых носка и один ботинок. Я нащупываю под платьем нижнее белье. Содержимое моей сумочки разбросано по подушке. Бумажник, чек. Карты и наличные на месте. Трясущимися руками хватаю телефон. Он разряжен.

— Твою ж мать, — бормочу я.

Извиваясь, я сползаю с кровати и на полу рядом с ведром, наполненным губками, нахожу второй ботинок. На неверных ногах выхожу за порог. И ударяюсь головой о крышу. Кто, черт бы его подрал, спроектировал этот дом? Я высокая, но не настолько же.

Когда я вваливаюсь в комнату с кухонным уголком, двумя двухъярусными кроватями, узкими горизонтальными окнами и привинченным к полу столом, земля по-прежнему ходит ходуном. С трудом продвигаясь вперед, хватаясь за углы и края мебели, чтобы удержать равновесие, я добираюсь до лестницы, ведущей прямо в небо.

Когда я оказываюсь наверху, глазам требуется секунда, чтобы привыкнуть. В лицо бьет яркий свет.

— О господи, — едва слышно лепечу я.

Передо мной стоит старик в непромокаемой куртке и оранжевой вязаной шапочке. У него обветренная, просоленная, покрытая пигментными пятнами кожа и жесткая белая борода. За спиной у него океан. Темная поверхность покрыта рябью. Меня трясет, по спине пробегает дрожь. Горизонт невысказанно далеко.

— Доброе утро. — Я тупо пялюсь на старика.

Он смеется.

— Где я?

— Чего? Говори погромче. — Старик прикладывает палец к уху. — Я глуховат.

— Где я? — повторяю я громче.

— В Тасмановом.

У меня под ногами — металлические тумбы с намотанными на них канатами и высокий шест

с привязанными к нему веревками. Старик тянет за одну из веревок, и складки на парусе надо мной разглаживаются, словно кожа, туго обтянувшая кость. Я чувствую, как судно упирается, а затем чуть задирает нос.

— Где?!

— В Тасмановом море, — повторяет старик, обводя широким жестом бесконечные просторы, точно я способна отличать воды одного моря от другого. — А если конкретнее, ты на яхте. — Он наклоняется и прикасается ладонью к палубе. — Она называется «Морская роза».

Будто чья-то рука вцепляется мне в горло и сжимает. Меня сейчас стошнит.

— Мне нужно сойти.

— Сойдешь. Через несколько дней... когда доберемся до Новой Зеландии.

У меня кровь отливает от лица.

— Чего?!

— Я отгоняю яхту в Новую Зеландию, и мне потребовалась помощь. Ты сказала, что хочешь пойти со мной.

— Вы издеваетесь? Когда я такое говорила?

— Прошлым вечером.

Я снова мысленно погружаюсь в алкогольный угар вчерашнего дня, пытаюсь разглядеть в непроглядном мраке хоть что-нибудь. Но вижу только зияющую черную дыру.

— Почему вы меня послушали? Я же вчера была в стельку!

Яхта взлетает над волной и снова обрушивается вниз. У меня трещит голова. Я чувствую, как к горлу подступает желчь.

— Вы меня фактически похитили.

— Что-что?

— Вы меня похитили! Вас за это посадят.

— Ну, — говорит старикан, откидывая назад голову и широко улыбаясь, — я попаду в тюрьму, только если кто-нибудь узнает... Кажется, придется тебя замочить.

Я отступаю на полшага, спотыкаюсь о трос, уложенный бухтой, и падаю спиной назад, тяжело приземляясь на палубу. Воздух со свистом вырывается из легких.

Внезапно старик раздражается смехом, его глаза исчезают среди глубоких морщин. Между приступами хохота он хрипит:

— Ты в порядке, девочка?

Я пытаюсь ответить. Но не могу.

— Оглянись, — велит он.

С трудом поднимаюсь на ноги, оборачиваюсь — и вижу землю. Пляж, дома попеременно с зеленью, скалистый мыс, маяк... Я его знаю. Это маяк Барренджой. Мы все еще в Сиднее!

Я поворачиваюсь к старику.

— Поняла, где мы?

Я киваю.

— Мы направляемся в яхт-клуб «Ар-пи-эй» в Ньюпорте; нужно почистить «Розе» днище. Если ветер сохранится, будем там в течение часа. А потом я подброшу тебя обратно в город.

— Ваши любезности... теперь... не помогут... — Я кашляю, все еще задыхаясь после падения. — Вы... меня похитили.

— Вы, юная леди, пребывали в полной отключке. Не могли даже назвать свое имя. Надо было

отправить тебя домой в таком виде? Ну уж нет. Нам с Джейн пришлось отнести тебя на яхту.

— Что за Джейн?

— Управляющая рестораном яхт-клуба. Кажется, она обнаружила тебя в женском туалете. Я дал тебе проспать на борту... Утром попытался разбудить, сказал, что мне нужно выходить в море, а ты велела оставить тебя в покое.

— Я этого не помню. — Меня обдувает холодным ветром. Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь воскресить воспоминания о прошедшей ночи. — А где спали вы?

Старик выдерживает мой взгляд.

— В своей постели, — произносит он. — Дома. — Что-то в его невозмутимом, спокойном тоне заставляет меня поверить ему. Мой собеседник мягко улыбается. — На мой счет не беспокойся, девочка: я в своей жизни любил только одну женщину. — Улыбка исчезает, он смотрит за горизонт. — Ее уже нет.

Я разжимаю кулаки.

— Как ее звали?

Старик снова кладет ладонь на палубу и гладит ее так, словно ласкает любовницу.

— Робин. Робин Роуз. — Он откашливается. — В любом случае я не собирался тебя похищать, но к десяти мне нужно быть на верфи, и я решил, что ты очухаешься не раньше, чем мы туда прибудем.

Меня охватывает облегчение.

— Все это очень странно, — говорю я, ковыляю к нему и протягиваю руку: — Как бы то ни было... Меня зовут Оливия.

В ответ он тоже протягивает мне мозолистую, заскорузлую ладонь, и мы обмениваемся рукопожатиями.

— Мэк.

На первый взгляд Мэк похож на серый сланец. Прохладный и твердый. Но потом он смеется, и сланец покрывается рябью. Тогда я вижу, что он невероятно глубок, точно темный океан. Он кишит мрачными историями, как подводные пещеры — морскими змеями.

В тех редких случаях, когда мой отец что-нибудь рассказывал, истории его были удручающе банальны. Он точно вытравливал слова на гладком металле, снова и снова водя по ним иглой, пока они не начинали кровоточить.

Мэк совсем другой. Его повествования ведут меня через подводные расселины, обросшие ракушками, украшенные морскими звездами и танцующими водорослями.

Он сразу же напоминает мне деда, умевшего рассказывать яркие, цветистые истории, от которых даже в самом унылом доме становилось весело.

Мэк живописует, как они с Робин перебрали рома на барбадосском пляже, перепутали яхты и занялись любовью на чужой палубе. Я подаюсь к нему. Голос его напоминает раскатистый гром из грозовой тучи, дерзкий и будоражащий. Электризирующий. Я могла бы слушать его часами.

Мэк умолкает.

— Тебе холодно?